

DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-178-191

УДК 339.7(045)

JEL F18, F42, H23, Q58

Перспективы экспорта товаров из Турции в страны Европейского союза в контексте углеродного налогообложения

Р.В. Кашбразиев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – пограничный корректирующий углеродный механизм (ПКУМ) – один из финансовых инструментов европейского климатического регулирования, направленных на сдерживание «углеродной утечки», которая возникает при импорте товаров из стран с менее строгим климатическим регулированием в страны с более строгим регулированием. По этой причине углеродный налог затрагивает интересы экспортеров углеродоемких товаров на территорию ЕС, особенно России, Турции, Китая, которые и понесут наибольший ущерб. **Цель** работы – оценка динамики экспорта турецких товаров в страны ЕС и определение позиции Турции по вводимому углеродному налогу. Одна из основных задач работы – определение степени поддержки России Турцией в противодействии ЕС против введения этого налога. **Методология** исследования основана на использовании методов статистического анализа (выборка, сравнение, группировка и пр.) и анализе выявленных тенденций. Анализ динамики и структуры торговли Евросоюза и Турции позволил получить следующие **результаты**: 1. Турция занимает одно из лидирующих мест среди стран, вовлеченных в экспорт углеродоемкой продукции в ЕС. 2. Выявлено наличие слабой зависимости ЕС от углеродоемких турецких товаров по причине дифференцированности его импорта и, наоборот, сильной зависимости турецкой экономики от ЕС в силу существенной ориентированности турецкого экспорта на рынки Евросоюза. **Выводы**: Турция находится в сложной ситуации в связи с ПКУМ. С одной стороны, существует угроза снижения конкурентоспособности продукции цементной, машиностроительной, металлургической промышленности; с другой стороны – национальные компании успешно встроены в европейские производственные цепочки, и стратегия адаптации к Европейскому зеленому курсу может быть предпочтительной как для них, так и для национальной экономики в целом. Поэтому существует вероятность того, что Турция займет «проевропейскую» позицию. Если будет преобладать «проевропейская» позиция, это создаст дополнительные риски для РФ в борьбе с углеродным налогообложением ЕС.

Ключевые слова: углеродоемкие товары; стоимость экспорта; углеродный налог; финансовый механизм; декарбонизация экономики; Европейский союз; ЕС; Турция

Для цитирования: Кашбразиев Р.В. Перспективы экспорта товаров из Турции в страны Европейского союза в контексте углеродного налогообложения. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(2):178-191. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-178-191

ORIGINAL PAPER

Prospects for Export of Goods from Turkey to the European Union Countries in the Context of Carbon Taxation

R.V. Kashbraziev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the carbon border adjustment mechanism (CBAM), one of the European climate regulation tools aimed at curbing the “carbon leakage” that occurs when importing goods from countries with less stringent climate regulation to countries with more stringent regulation. For this reason, the carbon tax affects the interests of exporters of carbon-intensive goods to the EU, especially Russia, Turkey, China, which will suffer the greatest damage. **The purpose** of the paper is to assess the dynamics of the export of Turkish goods to the EU countries and to determine Turkey's position on the introduction of a carbon tax. One of the main tasks of the work is to determine the extent to which Turkey supports Russia in the EU's opposition to the introduction of this tax. **The research methodology** is based on the use of statistical analysis methods (sampling, comparison, grouping, etc.) and analysis of identified trends. An analysis of the dynamics and structure of trade between the EU and Turkey led to **the following results**: 1) Turkey is one of

the leading countries exporting carbon-intensive products to the EU; 2) The existence of a weak dependence of the EU on carbon-intensive Turkish goods due to the differentiation of its imports and, conversely, a strong dependence of the Turkish economy on the EU due to the significant orientation of Turkish exports to EU markets. **It is concluded** that Turkey is in a difficult situation in connection with the CBAM. On the one hand, there is a threat of a decrease in the competitiveness of products of the cement, mechanical, and metallurgical industries; on the other hand, national companies are successfully integrated into European production chains, and the strategy of adaptation to the European Green Deal may be preferable both for them and the national economy as a whole. Therefore, there is a possibility that Turkey will take a “pro-European” position. If a “pro-European” position prevails, this will create additional risks for the Russian Federation in the fight against EU carbon taxation.

Keywords: carbon-intensive goods; export value; carbon tax; financial mechanism; decarbonization of the economy; European Union; EU; Turkey

For citation: Kashbraziev R.V. Prospects for export of goods from Turkey to the European Union countries in the context of carbon taxation. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(2):178-191. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-178-191

ВВЕДЕНИЕ

Зеленая повестка, принятая Европейской комиссией Европейского союза (ЕС) в июле 2021 г., формирует серьезные проблемы для развития углеродоемких экспортоориентированных отраслей промышленности стран, находящихся вне ЕС. Одной из самых обсуждаемых инициатив ЕС стало предложение по введению трансграничного углеродного налога / пограничного корректирующего углеродного механизма (ПКУМ) (англ. — CBAM) / трансграничного углеродного регулирования (ТУР) [1–5] (далее — ПКУМ).

В условиях борьбы с загрязнением окружающей среды и глобальным потеплением реализация зеленых повесток отдельных стран и региональных экономических союзов требует огромных финансовых средств, в связи с чем вводятся различные экологические налоги и сборы [6–8]. Один из них — ПКУМ, который представляется интересным примером поиска и выбора источника финансирования природоохранных и энергосберегающих мероприятий в рамках энергетического перехода стран ЕС. Несмотря на то что ПКУМ является лишь первой попыткой применения на практике трансграничного углеродного налогообложения, при полноценной реализации он может стать действенным инструментом достижения углеродной нейтральности Евросоюза.

Обзор литературы подтверждает, что ПКУМ эффективен в снижении утечки углерода [1–4]. А. Körppl и М. Schratzenstaller считают, что установление углеродного налога может эффективно сокращать выбросы углерода, или, по крайней мере, сдерживать их рост, не влияя на экономический рост и занятость, а также рекомендуют устанавливать достаточно высокие ставки углеродного налога, чтобы стимулировать сокращение выбросов и инновации [1, р. 28–29]. По подсчетам G. Mörsdorf, ПКУМ принесет значительные доходы

(до 32 млрд долл. США в год), которые могут быть использованы для поддержки низкоуглеродных инноваций и международного климатического финансирования [3]. Таким образом, по сути, речь идет о формировании финансового механизма декарбонизации мировой экономики — определении устойчивых источников, стабильных денежных потоков, методов их целевого использования — на основе равных цен на углерод для европейских и импортных товаров.

Однако против данной инициативы выступают многие торгово-экономические партнеры ЕС, в частности Китай, Россия, Бразилия, Индия и, не в последнюю очередь Турция. J. Zhong и J. Pei обращают внимание на неравномерное распределение налогового бремени, при котором больше всего пострадают Китай, Россия и Индия [9], т.е. речь идет о перекладывании затрат на энергетический переход с развитых регионов на развивающиеся страны, нарушая принцип общей, но дифференцированной ответственности Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Вместе с тем одним из ключевых оппонентов ПКУМ может стать и США — развитая страна [10].

Российские исследователи, подвергая сомнению соответствие ПКУМ принципам свободной торговли ВТО, сроки и эффективность его имплементации, предлагают даже пути и способы взаимодействия по данной проблеме России и крупных глобальных игроков [11–14]. Например, С. Рогинко пишет: «Против этой инициативы Евросоюза (ПКУМ. — *Примеч. авт.*) выступает не только Китай, но и Турция, и Бразилия, и Индия. ... Это наши реальные союзники, которые нам нужны. И тема трансграничного углеродного регулирования — это реальный ресурс для укрепления отношений с этими странами» [14, с. 463].

В связи с этим возникает вопрос: разделяют ли эти страны опасения России по поводу ПКУМ,

поддержат ли они Россию в противодействии введению этого налога? В данной статье ответим на этот вопрос на примере Турции.

Выбор Турции объясняется тем, что она — одна из трех стран, наряду с Россией и Украиной, которые в наибольшей степени пострадают от углеродного налога. Ущерб понесут также Китай, Южная Корея, США и др.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ТОРГОВЛИ ЕВРОСОЮЗА И ТУРЦИИ

Турецкую республику и Евросоюз связывают не только тесные торгово-экономические, но и интеграционные отношения. Согласно данным Европейской комиссии, в 2022 г. Турция вошла в число шести крупнейших торговых партнеров ЕС, на долю которой приходилось 3,3% внешнеторгового оборота ЕС. В свою очередь, ЕС выступает абсолютным лидером по торгово-экономическому сотрудничеству с Турцией, принимая более 40% турецкого экспорта и составляя более 25% турецкого импорта. В 2022 г. экспорт турецких товаров в ЕС насчитывал 98,6 млрд евро, из которых текстиль составлял 17,5 млрд евро (17,7%), за которым следуют транспортное оборудование на сумму 17,3 млрд евро, цветные металлы и изделия (base metals and articles) на 16,8 млрд евро, а также машины и приборы на сумму 15,8 млрд евро. (Для сравнения: «экспорт» туристических услуг из Турции в ЕС составил 3,9 млрд евро, 34,2% от экспорта услуг). Импорт Турции из ЕС в 2022 г. был равен 99,6 млрд евро. В нем преобладали машины и приборы (25 млрд евро, 25,1%), транспортное оборудование (17,5 млрд евро), драгоценные металлы и изделия (13,1 млрд евро) и химикаты (13,1 млрд евро)¹.

Судя даже по этим общим данным, можно прийти к выводу, что:

- во-первых, между сторонами практически достигнут торговый баланс;
- во-вторых, во взаимной торговле Турции и ЕС узловое место занимают машины и оборудование; этому способствует то, что турецкая промышленность достаточно глубоко встроена в европейские производственные цепочки. Здесь следует отметить, что, согласно Р. Кашбразиеву, «Турция является активной участницей международного разделения труда и международной промышленной кооперации, ... многие положения

технического законодательства Турции гармонизированы со стандартами ЕС» [15, с. 171];

- в-третьих, среди крупных статей экспорта Турции в ЕС углеродоемкие товары не занимают много места (среди упомянутых выше товарных групп это — цветные металлы и изделия, составляющие 17% турецкого экспорта в ЕС; в свою очередь, Турция импортирует из ЕС химикаты в объеме 13,15% от общего импорта из ЕС). Даже, наоборот, в импорте Турции (из всех стран мира, не только ЕС) преобладают углеродно-интенсивные товары — топливо минеральное, нефть и нефтепродукты, черные металлы, пластмассы, органические химические соединения, алюминий, медь и изделия из них — на сумму 167,19 млрд долл. США², или 45,67% от всего импорта.

Усиление конкурентоспособности турецкой экономики, которое произошло во многом благодаря ее таможенному союзу с ЕС, привело к росту экспорта турецких товаров в ЕС: причем не только текстиля, готовой одежды и сельскохозяйственной продукции, но и черных металлов, цветных металлов, продукции химической промышленности, транспортного оборудования, машин и приборов и т.д.

Тем не менее Турция занимает одно из лидирующих мест среди стран, вовлеченных в экспорт углеродоемкой продукции в ЕС — 11% общей стоимости экспорта углеродно-интенсивных товаров в 2019 г. [16]. Поскольку углеродоемкие товары, подпадающие под регулирование ПКУМ, это не только упомянутые выше экспортные товары, интерес представляет изучение всех статей турецкого экспорта в ЕС, обращая особое внимание на цемент, алюминий, сталь, удобрения, электричество, подлежащие обложению углеродным налогом в первую очередь. Сказанное требует более детального рассмотрения углеродоемких товарных групп, экспортируемых из Турции в страны ЕС и затрагиваемых Европейским механизмом пограничной углеродной корректировки.

Для этого составлен список всех углеродно-интенсивных товаров, экспортируемых из Турции в страны ЕС, на основе данных International Trade Centre (ITC) по 96 товарным номенклатурам внешнеэкономической деятельности³, а сами товары для удобства анализа сгруппированы в следующие товарные группы: «Черные металлы», «Цветные

¹ European Commission. Trade. URL: EU trade relations with Türkiye (europa.eu) (дата обращения: 24.07.2023).

² Trend economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Turkey/TOTAL> (дата обращения: 24.07.2023).

³ ITC. Bilateral trade between Türkiye and European Union (EU 27). URL: <https://intracen.org/resources> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

Таблица 1 / Table 1

Углеродоемкие товарные группы турецкого экспорта в ЕС (расширенный список – представлены все углеродно-интенсивные, в том числе пока не включенные в регулирование ПКУМ) / Carbon-Intensive Product Groups of Turkish Exports to the EU (Extended List – All Carbon-Intensive Goods are Presented, Including Those Not Yet Included in the CBAM Regulation)

Наименование товара / Product name	Объем экспорта Турции в ЕС, тыс. долл. США / Turkey's export volume to the EU, thousand US dollars				
	2018	2019	2020	2021	2022
Черные металлы, всего	8 347 892	7 210 544	6 653 691	11 974 574	11 446 017
в том числе железо и сталь	4 671 677	3 480 362	2 814 125	6 431 185	4 959 446
Цветные металлы, всего	2 783 722	2 619 925	2 510 388	4 652 663	6 058 711
в том числе алюминий и изделия из него	1 652 763	1 678 070	1 576 080	3 016 908	4 142 967
Цемент, всего	1 212 025	1 303 218	1 392 572	1 840 971	2 125 085
Минеральные удобрения	81 335	88 903	94 331	130 255	479 835
Электроэнергия	–	–	–	–	–
Нефть и продукты нефтехимии, всего	9 480 749	12 120 052	9 908 501	15 224 712	20 540 642
в том числе минеральное топливо	2 100 406	4 399 615	2 218 112	4 177 368	8 542 799
Газ	–	–	–	–	–
Уголь	139 960	137 565	140 731	244 746	409 455
Стекло	462 400	517 257	512 358	642 000	748 230
Бумага	573 498	552 599	559 622	823 783	1 088 055
в том числе бумага и картон	526 190	477 470	486 769	720 520	978 018

Источник / Source: ITC. URL: <https://intracen.org/resources> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

металлы», «Цемент» и пр. Динамика товарного экспорта из Турции в страны Евросоюза по основным углеродно-интенсивных товарным группам представлена в табл. 1.

В табл. 1 присутствуют товарные позиции, для которых на данный момент не введено углеродное регулирование ЕС: нефть и продукты нефтехимии, газ, уголь, стекло и бумага.

В стоимостном выражении наиболее доходные статьи экспорта Турции в ЕС на 2022 г. представляют минеральное топливо и масла (из категории «Нефть и продукты нефтехимии»), железо и сталь («Черные металлы»), пластмассы и изделия из нее

(«Нефть и продукты нефтехимии»), изделия из железа и стали («Черные металлы»), алюминий и изделия из него («Цветные металлы»), резина и изделия из нее («Нефть и продукты нефтехимии»), медь и изделия из нее («Цветные металлы») и др. Категории товаров по доходности расположены в следующем порядке: «Нефть и продукты нефтехимии», «Черные металлы», «Цветные металлы», «Цемент», «Бумага» и т.д.

Доля всех углеродоемких товарных групп турецкого экспорта в ЕС, в том числе не подпадающих под регулирование ПКУМ товаров, в общем объеме турецкого экспорта в ЕС составила **40,76%** (2022).

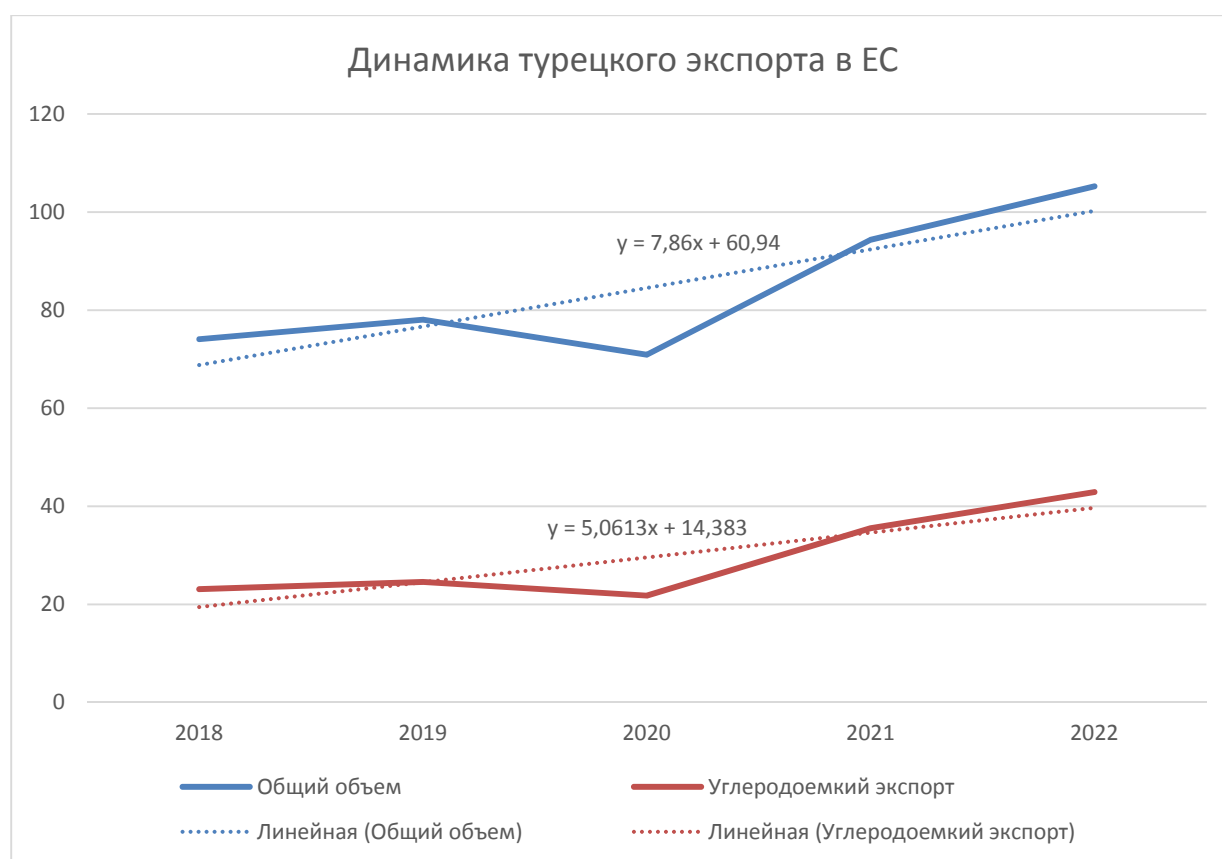

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика общего и углеродоемкого турецкого экспорта в ЕС в 2018–2022 гг., в млрд долл. США / Dynamics of Turkey's Total and Carbon-Intensive Exports to the EU in 2018–2022, Billion US Dollars

Источник / Source: ITC. URL: <https://intracen.org/resources> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

Интерес представляет динамика общего экспорта и углеродоемкого экспорта из Турции в страны ЕС. Общий объем экспорта и объем углеродоемкого турецкого экспорта в динамике 2018–2022 гг. отражены на рис. 1.

Как видно из рис. 1, согласно формуле тренда, общий экспорт из Турции в ЕС растет более быстрыми темпами, достигнув в 2022 г. 105,2 млрд долл. США. Средний ежегодный рост углеродно-интенсивной товарной массы составляет 34,4% — с 23,1 млрд долл. США (2018) до 42,9 млрд долл. США (2022).

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ТОРГОВЛИ ЕС И ТУРЦИИ В РАМКАХ ТОВАРНЫХ ГРУПП, ОХВАТЫВАЕМЫХ МЕХАНИЗМОМ ПКУМ

Если исключить из номенклатуры турецкого экспорта в ЕС товарные группы, не включенные в ПКУМ-регулирование, то получатся товарные группы, которые будут выглядеть следующим образом (табл. 2). Типология как классификация по существенным признакам [17] позволит нам

выделить наиболее значимые статьи турецкого экспорта, подпадающие под углеродное регулирование ЕС.

Тогда наиболее существенные статьи турецкого экспорта, подпадающие под углеродное регулирование ЕС, будут: «Черные металлы» (в особенности железо, сталь и изделия из них), «Цветные металлы» (в особенности алюминий, медь и изделия из них), «Цемент» и «Минеральные удобрения».

Если проанализировать общую динамику экспорта и динамику углеродоемкого экспорта (только ПКУМ) из Турции в страны ЕС, то можно обнаружить сильно уменьшенные объемы углеродоемкого экспорта (19,1% общего турецкого экспорта в ЕС в 2022 г.) и его слабую динамику. Общий объем экспорта и объем углеродоемкого турецкого экспорта в динамике 2018–2022 гг. отражены на рис. 2.

Согласно рис. 2, общий экспорт из Турции в ЕС растет более быстрыми темпами, чем углеродоемкий (регулируемый ПКУМ) экспорт (об этом свидетельствуют коэффициенты формулы тренда). Среднегодовой рост углеродно-интенсивных эк-

Таблица 2 / Table 2

Углеродоемкие товарные группы турецкого экспорта в ЕС (только ПКУМ) / Carbon-intensive Product Groups of Turkish Exports to the EU (CBAM only)

Наименование товара / Product name	Объем экспорта Турции в ЕС, тыс. долл. США / Turkey's export volume to the EU, thousand US dollars				
	2018	2019	2020	2021	2022
Черные металлы, всего, в том числе:	8 347 892	7 210 544	6 653 691	11 974 574	11 446 017
железо и сталь	4 671 677	3 480 362	2 814 125	6 431 185	4 959 446
изделия из железа или стали	2 704 453	2 707 229	2 687 100	3 863 590	4 728 888
руды, шлак и зола	477 837	442 308	566 965	913 774	966 271
прочие изделия из недргоценных металлов	364 439	374 516	395 671	509 946	536 468
инструменты, приспособления, столовые приборы, ложки и вилки из недргоценного металла; их части из недргоценного металла	116 302	137 990	120 569	142 290	148 639
другие недргоценные металлы; металлокерамика; изделия из них	13 184	68 139	69 261	113 789	106 305
Цветные металлы, всего, в том числе:	2 783 722	2 619 925	2 510 388	4 652 663	6 058 711
алюминий и изделия из него	1 652 763	1 678 070	1 576 080	3 016 908	4 142 967
медь и изделия из нее	1 111 682	912 043	904 974	1 598 182	1 787 765
цинк и изделия из него	3 181	2 112	2 290	2 779	76 700
свинец и изделия из него	12 987	17 624	20 495	20 376	35 502
никель и изделия из него	3 016	9 837	6 264	11 492	15 309
олово и изделия из него	93	239	285	2 926	468
Цемент, всего, в том числе:	1 212 025	1 303 218	1 392 572	1 840 971	2 125 085
соль; сера; земля и камень; штукатурные материалы, известь и цемент	505 999	546 159	554 071	777 162	915 765
керамические изделия	475 500	499 009	534 030	646 897	755 902
изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов	230 526	258 050	304 471	416 912	453 418
Минеральные удобрения	81 335	88 903	94 331	130 255	479 835
Электроэнергия	–	–	–	–	–

Источник / Source: ITC. URL: <https://intracen.org/resources> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

спортируемых товаров (ПКУМ) составляет 16,9% в год по сравнению 34,4% всех углеродно-интенсивных товаров. Что касается товарной массы, рост составил с 12,43 млрд долл. США (2018) до 20,11 млрд долл. США (2022) (для сравнения: экспорт всех углеродно-интенсивных товаров равнялся 23,1 млрд долл. США в 2018 г. и 42,9 млрд долл. США в 2022 г.). Таким образом, согласно проекту ПКУМ, углеродному налогообложению будет подвержена только половина (46,88% в 2022 г.)

углерод-интенсивных товаров, экспортируемых из Турции в страны ЕС.

Следует отметить, что реальная цифра будет еще ниже, так как углеродный налог будет взиматься не со всех продуктов, входящих в указанные выше товарные группы экспорта. В случае введения ПКУМ углеродному налогообложению подлежат: 12 кодов европейской товарной номенклатуры из группы «Железо и сталь», 5 кодов «Минеральных удобрений», 4 кода «Цемент» и пр. [13, с. 89].

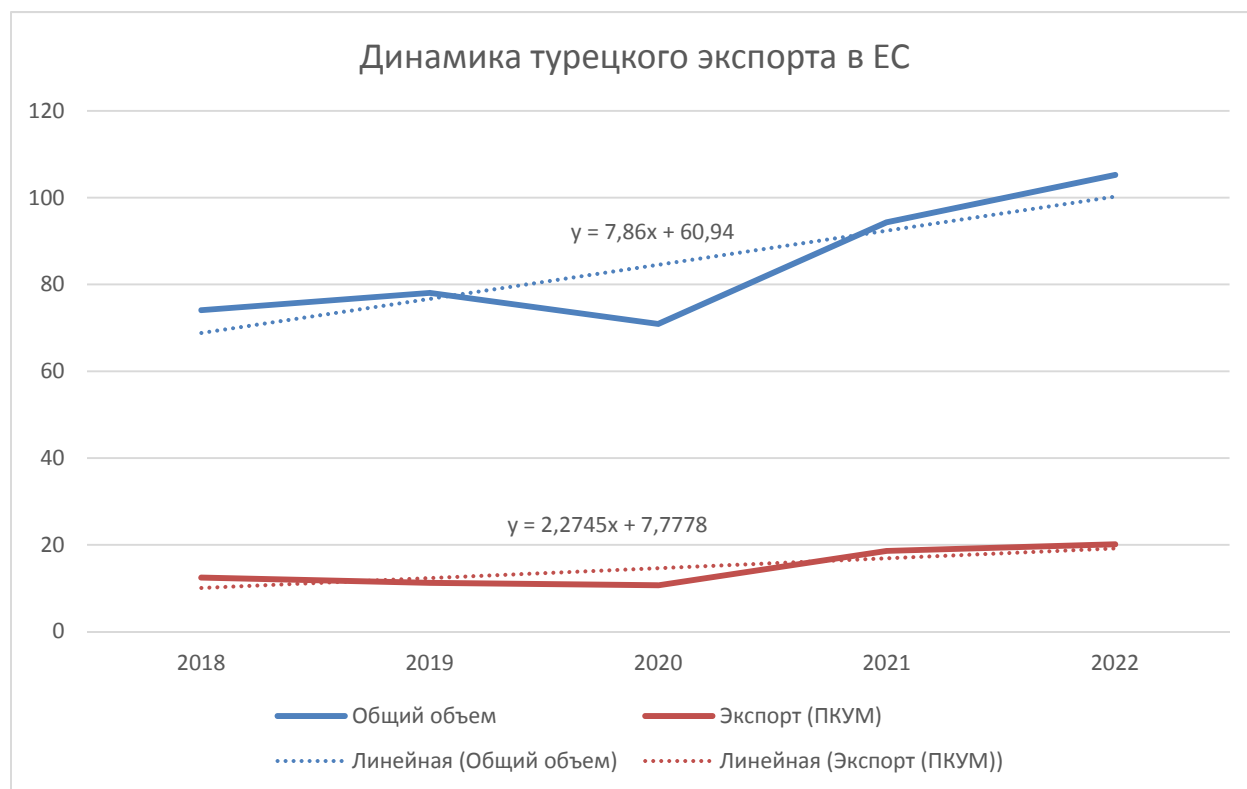

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика общего и углеродоемкого (регулируемого ПКУМ) турецкого экспорта в ЕС в 2018–2022 гг., в млрд долл. США / Dynamics of Total and Carbon-Intensive (CBAM-Regulated) Turkish Exports to the EU in 2018–2022, Billion US Dollars

Источник / Source: ITC. URL: <https://intracen.org/resources> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

ВЛИЯНИЕ ПКУМ НА ТОРГОВЛЮ МЕЖДУ ЕС И ТУРЦИЕЙ

Для оценки влияния ПКУМ на торговлю между ЕС и Турцией целесообразно в первую очередь исследовать закономерности взаимозависимости экономик Турции и ЕС. Данные зависимости ЕС от углеродно-интенсивного турецкого экспорта представлены в табл. 3.

Доля турецкой углеродоемкой продукции в общем импорте ЕС не так велика — среднее значение 1,42% за 2018–2022 гг., от 1,32% (2018) до 1,41% (2022) при максимальном значении 1,48% (2021). Таблица 3 наглядно демонстрирует, что импорт ЕС хорошо диверсифицирован, его зависимость от турецкого экспорта минимальная, хотя она и выросла за последние пять лет примерно на 1% для всех товарных групп.

Наибольшая доля в 2022 г. у цемента (3,8%), цветных металлов (2,9%) и черных металлов (2,4%) (рис. 3). Вместе с тем если анализировать по отдельным товарным позициям, можно увидеть, что наибольшая динамика у «Изделий из железа» (изделия из железа или стали; инструменты, приспособления, столовые приборы, ложки и вилки из недорогого металла; их части из

недрагоценного металла; другие недорогие металлы; металлокерамика; изделия из них), т.е. у продукции более высоких переделов: с 4,4% в 2018 г. до 5,8% турецкого экспорта в 2022 г. (рис. 4). Несмотря на наличие углеродного следа, эти изделия относятся к группе товаров с высокой добавленной стоимостью и в плане экспорта они являются более устойчивыми, чем железо и сталь, руды, другие недорогие металлы, доля которых 1,1–2,4% (2022). Товары более высокого передела — это еще одно «смягчающее обстоятельство» в контексте углеродного налогообложения турецкого экспорта.

Зависимость турецкой экономики от ЕС, напротив, — сильнейшая. Экспортный сектор турецкой экономики в существенной степени ориентирован на рынки Евросоюза (табл. 4), по некоторым товарам больше половины экспорта, а по алюминию 61,8% экспорта приходится на ЕС.

Зависимость турецкого экспорта от европейского рынка сбыта наиболее очевидна в таких секторах, как медь и изделия из нее (67,1% всей продукции было поставлено в ЕС), алюминий и изделия из него (61,8%), свинец и изделия из него (56,8%), цинк и изделия из него (53,4%), ми-

Таблица 3 / Table 3

**Зависимость ЕС от углеродно-интенсивного турецкого экспорта /
EU Dependence on Carbon-intensive Turkish Exports**

Наименование товара / Product name	Доля Турции в общем импорте ЕС / Turkey's share of total EU imports				
	2018	2019	2020	2021	2022
Черные металлы, всего, в том числе:	2,3%	2,2%	2,3%	2,8%	2,4%
железо и сталь	2,9%	2,5%	2,5%	3,3%	2,2%
изделия из железа или стали	2,5%	2,7%	2,9%	3,1%	3,5%
руды, шлак и зола	1,4%	1,4%	1,8%	1,9%	2,1%
прочие изделия из недрагоценных металлов	1,4%	1,5%	1,7%	1,7%	1,8%
инструменты, приспособления, столовые приборы, ложки и вилки из недрагоценного металла; их части из недрагоценного металла	0,5%	0,6%	0,6%	0,5%	0,5%
другие недрагоценные металлы; металлокерамика; изделия из них	0,2%	1,0%	1,4%	1,7%	1,1%
Цветные металлы, всего, в том числе:	2,0%	2,1%	2,2%	2,7%	2,9%
алюминий и изделия из него	2,2%	2,5%	2,6%	3,5%	3,7%
медь и изделия из нее	2,5%	2,3%	2,3%	2,7%	2,9%
цинк и изделия из него	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,8%
свинец и изделия из него	0,4%	0,7%	0,9%	0,7%	1,1%
никель и изделия из него	0,0%	0,1%	0,1%	0,1%	0,1%
олово и изделия из него	0,0%	0,0%	0,0%	0,1%	0,0%
Цемент, всего, в том числе:	2,7%	3,0%	3,3%	3,5%	3,8%
соль; сера; земля и камень; штукатурные материалы, известь и цемент	3,7%	4,1%	4,4%	5,0%	5,2%
керамические изделия	3,3%	3,6%	3,9%	3,7%	4,1%
изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов	1,4%	1,5%	1,9%	2,1%	2,2%
Минеральные удобрения	0,6%	0,7%	0,8%	0,7%	1,6%
Электроэнергия	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%

Источник / Source: ITC. URL: <https://intracen.org/resources> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

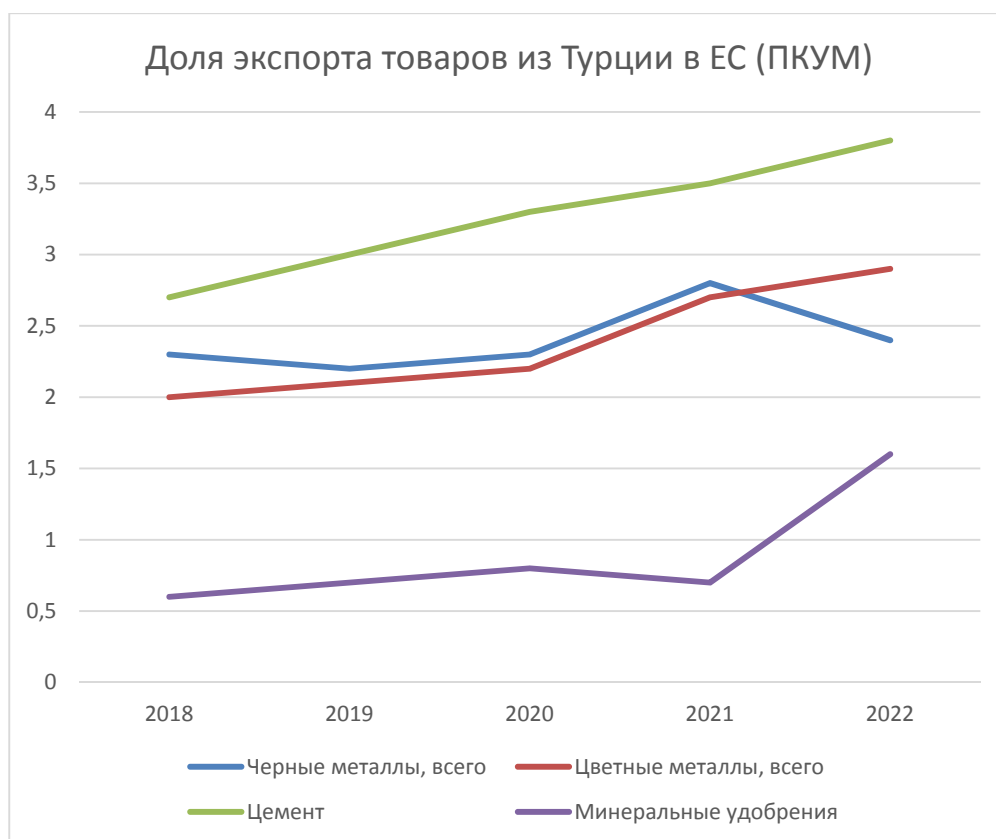

Рис. 3 / Fig. 3. Доля углеродоемкого экспорта товаров из Турции в ЕС в 2018–2022 гг., регулируемого ПКУМ, в % / Share of Carbon-Intensive Goods Exports from Turkey to the EU 2018–2022 Regulated by CBAM, %

Источник / Source: ITC. URL: <https://intracen.org/resources> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

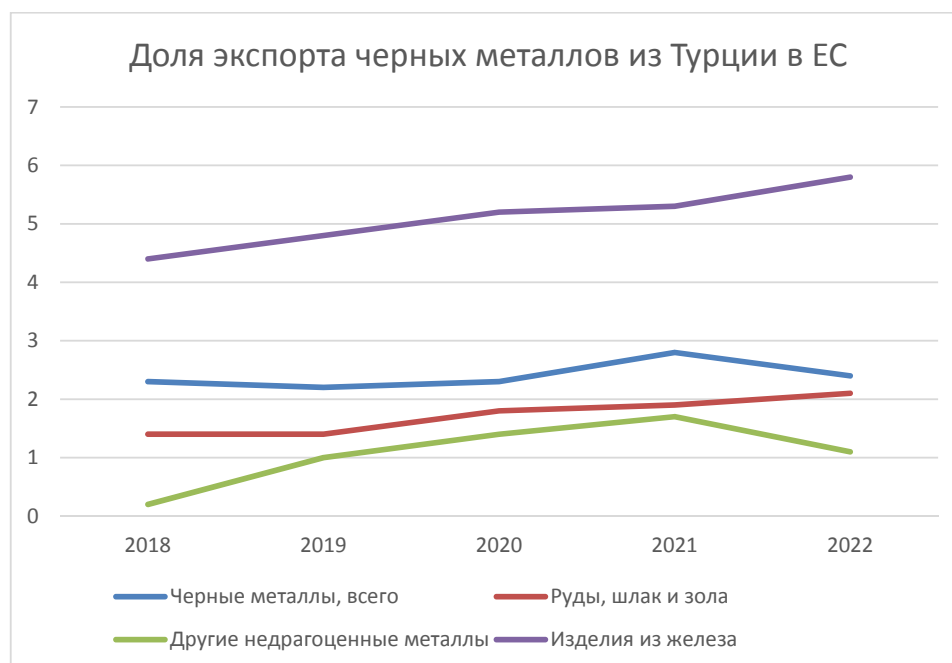

Рис. 4 / Fig. 4. Доля экспорта черных металлов из Турции в ЕС в 2018–2022 гг., в % / Share of Exports of Ferrous Metals from Turkey to the EU in 2018–2022, %

Источник / Source: ITC. URL: <https://intracen.org/resources> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

Таблица 4 / Table 4

Зависимость турецкой экономики от ЕС / Dependence of the Turkish Economy on the EU

Наименование товара / Product name	Доля ЕС в общем экспорте Турции / EU share in Turkey's total exports				
	2018	2019	2020	2021	2022
Черные металлы, всего, в том числе:	40,5%	37,4%	37,1%	40,2%	38,9%
железо и сталь	40,5%	34,7%	32,0%	37,7%	33,9%
изделия из железа или стали	41,4%	40,5%	42,2%	43,9%	44,9%
руды, шлак и зола	36,1%	36,0%	41,0%	42,2%	43,0%
прочие изделия из недргоценных металлов	39,4%	39,4%	40,2%	41,2%	39,3%
инструменты, приспособления, столовые приборы, ложки и вилки из недргоценного металла; их части из недргоценного металла	47,7%	51,2%	47,2%	43,6%	39,5%
другие недргоценные металлы; металлокерамика; изделия из них	50,8%	67,2%	47,0%	60,8%	35,9%
Цветные металлы, всего, в том числе:	56,8%	55,0%	52,4%	58,3%	61,8%
алюминий и изделия из него	55,2%	53,8%	51,5%	58,3%	61,8%
медь и изделия из нее	62,0%	59,8%	57,2%	61,5%	67,1%
цинк и изделия из него	20,0%	19,3%	32,0%	16,8%	53,4%
свинец и изделия из него	58,8%	59,7%	70,0%	50,7%	56,8%
никель и изделия из него	4,0%	12,7%	5,8%	8,1%	7,9%
олово и изделия из него	4,4%	3,4%	3,9%	19,1%	1,2%
Цемент, всего, в том числе:	24,3%	24,3%	25,2%	26,7%	27,4%
соль; сера; земля и камень; штукатурные материалы, известь и цемент	19,3%	19,6%	19,8%	22,7%	24,0%
керамические изделия	44,1%	42,8%	42,8%	40,0%	40,7%
изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов	17,8%	18,1%	20,6%	22,4%	21,7%
Минеральные удобрения	32,4%	25,7%	25,1%	27,5%	48,8%
Электроэнергия	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%

Источник / Source: ITC. URL: <https://intracen.org/resources> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

неральные удобрения (48,8%), изделия из железа и стали (44,9%). Причем в период с 2018 по 2022 г. наибольший рост поставок в ЕС наблюдался у производителей цинка и изделий из него (рост на 33,4%, с 20% до 53,4%) и минеральных удобрений (рост на 16,4%, с 32,4% до 48,8%).

При этом средняя доля ЕС в общем экспорте Турции составляет 42,47% (44,12% в 2018 г. и 41,4% в 2022 г.). Поэтому, учитывая данные табл. 4 по черным металлам, цементу и минеральным удобрениям, доля экспорта углеродных товаров из Турции в ЕС не сильно отличается от средних значений общего экспорта Турции в ЕС.

С учетом выявленных закономерностей торгово-экономического взаимодействия Турции и ЕС, полученных в ходе исследования показателей (абсолютные и относительные показатели турецкого экспорта в ЕС, динамика торговли в 2018–2022 гг., доля турецких товаров в импорте Евросоюза и т.д.), можно предположить, какую выберет экономическую тактику Турция в связи с предстоящим введением ПКУМ. Как будет взаимодействовать с ЕС, хеджировать собственные риски, вытекающие из введения трансграничного углеродного налога? Будет ли сотрудничать с такими торгово-экономическими партнерами ЕС, как Китай, Россия, Бразилия, Индия (и даже США), выступающими против данного налога?

Складывается мнение, что в настоящее время Турция занимает двойственную позицию в отношении ПКУМ.

Первоначально Министерство торговли Турции предсказуемо выступило «против» (6 апреля 2020 г.), напоминая, что «соглашение о свободной торговле углем и стальной продукцией между Турцией и ЕС запрещает вводить таможенные пошлины, количественные ограничения и сборы, а также меры, имеющие эквивалентный эффект в торговле этими товарами между Турцией и ЕС» (р. 14)⁴, а также подчеркивая, что меры ЕС в области карбонового налогообложения должны быть совместимы с правилами ВТО и международными обязательствами ЕС, вытекающими из Рамочной конвенции ООН об изменении климата и не должны носить протекционистский характер. Эта позиция представляется совершенно выверенной, так как общее неблагоприятное влияние ПКУМ на турецкую экономику может варьироваться от 2,7 до 3,6% потерь ВВП к 2030 г. [18], будут потеряны

«многие рабочие места, налоговые поступления и экспортные доходы» [19], а объем ежегодного налога, уплачиваемого Турцией в случае введения трансграничного углеродного налога, по некоторым оценкам достигнет 686 млн евро [16, р. 9].

Правда, чуть позже — 16 июля 2021 г. президентом Турции была создана Рабочая группа по Зеленому курсу (YMÇG), конечной целью которой является обеспечение адаптации страны к Европейскому зеленому курсу⁵. Специальные рабочие группы работают над такими вопросами, как:

- 1) механизм регулирования выбросов углерода на границе;
- 2) национальное ценообразование на углерод;
- 3) национальный план действий по экономике замкнутого цикла;
- 4) зеленое финансирование и т.д.

Таким образом Турция выразила готовность к совместной работе с ЕС по вопросам низкоуглеродного развития, зеленых технологий, трансграничного карбонового регулирования, введения углеродного налогообложения и пр. Это нашло отражение и в академической литературе [20, 21].

Бизнес-сообщество Турции также придерживается двоякой позиции:

- с одной стороны, озабоченность появлением углеродного механизма ЕС на границе, из-за которого могут пострадать цементная, автомобильная, машиностроительная, металлургическая и текстильная отрасли промышленности (при этом потери оцениваются в 1,8 млрд евро в год)⁶, сожаление по поводу финансирования энергетического перехода ЕС за счет средств, которые будут собраны, в том числе, с турецких экспортеров через ПКУМ-механизм, к тому же усилив отток иностранной валюты из Турции;
- с другой стороны, понимание необходимости «зеленой» трансформации и достижения климатической нейтральности.

Так, глава Совета по внешнеэкономическим связям турецкого частного сектора З.Б. Окьяй заявила, что «Турция также должна создать свою собственную ETS (в ЕС создана европейская система торговли выбросами — EU ETS. — *Примеч. авт.*). Таким образом, в то время как секторы будут заинтересованы во внедрении техноло-

⁴ Republic of Turkey, Ministry of trade. Views of the government of Turkey on the carbon border adjustment mechanism within the framework of the inception impact assessment (April 6, 2020).

⁵ Green Deal Action Plan and Working Group. URL: <https://ticaret.gov.tr/dis-iliskiler/yesil-mutabakat/yesil-mutabakat-eylem-planlari-ve-calisma-grubu> (accessed on 24.07.2023).

⁶ Are We Ready for the European Green Deal? URL: <https://geridonusumekonomisi.com.tr/avrupa-yesil-mutabakatina-hazir-miyiz.html> (дата обращения: 24.07.2023) / (accessed on 24.07.2023).

гий, сокращающих выбросы, доходы от выбросов, которые будут собираться внутри страны, могут быть использованы для финансирования «зеленой трансформации» и может быть создана экосистема, которая гарантирует сохранение ресурсов внутри страны»⁷. Президент Стамбульской торговой палаты Ш. Авдагич тоже ратовал за финансирование новых технологий, призывая компании включить «Зеленую сделку» в свою повестку дня: «Это факт, что затраты на “зеленую” трансформацию, которых наше деловое сообщество избегает сегодня, завтра исчезнут из нашего кармана либо в виде потерянного заказа, либо в виде налога на выбросы углерода»⁸. Эти меры способствуют сближению экономик Турции и ЕС, развитию системы единых стандартов производства и управления, а также адаптации Турции к Европейскому зеленому курсу.

ВЫВОДЫ

Инициатива ЕС по введению трансграничного углеродного налога, выдвинутая в 2021 г., является одной из самых обсуждаемых тем Зеленой повестки ЕС. Признавая ПКУМ в целом перспективным методом финансирования природоохранных и энергосберегающих мероприятий в рамках энергетического перехода стран ЕС, многие эксперты считают, что он создаст серьезные проблемы для развития углеродоемких экспортноориентированных отраслей промышленности стран, находящихся вне ЕС, особенно стран с формирующимися рынками.

В этой связи проанализировано современное состояние и перспективы торгово-экономического взаимодействия ЕС с Турцией, одной из основных торгово-экономических партнеров ЕС. Основные результаты анализа:

- 40,76% — доля всех углеродоемких товарных групп в общем объеме турецкого экспорта в ЕС в 2022 г.;
- 19,1% — доля углеродоемких товаров, подпадающих под регулирование ПКУМ, в общем объеме турецкого экспорта в ЕС в 2022 г.;
- общий размер углеродного налога — серьезный, но не критичный (менее 1% общего объема турецкого экспорта; 0,97% в 2019 г.); в случае создания ETS Турции возможно сокращение налогового бремени.

Основные закономерности взаимозависимости экономик Турции и ЕС сформулированы следующим образом:

- зависимость ЕС от турецкого экспорта минимальна, Турция не обладает монопольными преимуществами ни по одному из товарных позиций экспорта, а у ЕС — дифференцированный импорт и, соответственно, свободное ценообразование на рынках;
- зависимость турецкой экономики от ЕС, напротив, — сильнейшая. Экспортный сектор турецкой экономики, в том числе экспорт углеродоемких товаров, в существенной степени ориентирован на рынки Евросоюза.

В результате действия противоречивых закономерностей Турция оказалась в сложной ситуации: с одной стороны, появление углеродного налога может привести к снижению конкурентоспособности продуктов цементной, машиностроительной, металлургической и текстильной отраслей промышленности; с другой стороны, национальные компании неплохо встроены в европейские производственные цепочки, и стратегия адаптации к Европейскому зеленому курсу может быть предпочтительной как для них, так и для национальной экономики в целом.

Сложность ситуации, ее двойственность приводят к тому, что на основной вопрос: «Разделяет ли Турция опасения России по поводу ПКУМ, поддержит ли она Россию в противодействии против введения этого налога?» не может быть получен однозначный ответ. Существует равная вероятность: возможно, Турция станет союзницей Россией против ПКУМ, возможно, займет особую «проевропейскую» позицию.

Если преобладает «проевропейская» позиция, это создает дополнительные риски для РФ в борьбе с углеродным налогообложением (а в сегодняшнем виде инициатива ЕС — действительно несвоевременная и противоречивая), союзников у России будет немного.

Для успешного противодействия инициативе углеродного налога ЕС в его современном виде и поиска близких по интересам стран-союзников целесообразны дальнейшие исследования, связанные с определением углеродной нейтральности России с учетом ее огромных территорий, а также особенностей пространственного размещения производительных сил, минимизирующих загрязнение окружающей среды и изменение климата. Поглотительная способность территории не может быть одинаковой для небольших стран ЕС, Турции, Южной Кореи, США, Китая или России.

⁷ Ibid. URL: <https://geridonusumekonomisi.com.tr/avrupa-yesil-mutabakatina-hazir-miyiz.html> (дата обращения: 24.07.2023).

⁸ Ibid. URL: <https://geridonusumekonomisi.com.tr/avrupa-yesil-mutabakatina-hazir-miyiz.html> (дата обращения: 24.07.2023).

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета. Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Köppl A., Schratzenstaller M. Carbon taxation: A review of the empirical literature. *Journal of Economic Surveys*. 2023;37(4):1353–1388. DOI: 10.1111/joes.12531
2. Rossetto D. The carbon border adjustment mechanism: What does it mean for steel recycling? *Sustainable Horizons*. 2023;5:100048. DOI: 10.1016/j.horiz.2023.100048
3. Mörsdorf G. A simple fix for carbon leakage? Assessing the environmental effectiveness of the EU carbon border adjustment. *Energy Policy*. 2022;161:112596. DOI: 10.1016/j.enpol.2021.112596
4. Bellora C., Fontagné L. EU in search of a Carbon Border Adjustment Mechanism. *Energy Economics*. 2023;123:106673. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.106673
5. Beaufils T., Ward H., Jakob M., Wenz L. Assessing different European Carbon Border Adjustment Mechanism implementations and their impact on trade partners. *Communications Earth & Environment*. 2023;4:131. DOI: 10.1038/s43247-023-00788-4
6. Zhang J., Zhang Y. Carbon tax, tourism CO2 emissions and economic welfare. *Annals of Tourism Research*. 2018;69:18–30. DOI: 10.1016/j.annals.2017.12.009
7. Göktaş L., Çetin G. Tourist tax for sustainability: Determining willingness to pay. *European Journal of Tourism Research*. 2023;35:3503. DOI: 10.54055/ejtr.v35i.2813
8. Слобцова О.И. Утилизационный сбор. *Бухгалтерский учет*. 2012;(11):14–16. (In Russ.).
Slobotsova O.I. Recycling fee. *Bukhgalterskii uchet*. 2012;(11):14–16. (In Russ.).
9. Zhong J., Pei J. Beggar thy neighbor? On the competitiveness and welfare impacts of the EU's proposed carbon border adjustment mechanism. *Energy Policy*. 2022;162:112802. DOI: 10.1016/j.enpol.2022.112802
10. Overland I., Sabyrbekov R. Know your opponent: Which countries might fight the European carbon border adjustment mechanism? *Energy Policy*. 2022;169:113175. DOI: 10.1016/j.enpol.2022.113175
11. Абанина И.Н., Минчичова В.С., Оглоблина Е.В. Эндогенные и экзогенные противоречия введения пограничного корректирующего углеродного механизма в Европейском союзе. *Modern Economy Success*. 2023;(2):42–50. (In Russ.).
Abanina I.N., Minchichova V.S., Ogloblina E.V. Endogenous and exogenous contradictions in the introduction of carbon border adjustment mechanism in the European Union. *Modern Economy Success*. 2023;(2):42–50. (In Russ.).
12. Абрамов В.Л. Анализ углеродного регулирования Европейского союза как механизма протекционизма. *Экономические науки*. 2022;(214):253–256. DOI: 10.14451/1.214.253 (In Russ.).
Abramov V.L. Analysis of the carbon regulation of the European Union as a mechanism of protectionism. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2022;(214):253–256. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.214.253
13. Рогинко С.А., Сильвестров С.Н. Реализация Парижского соглашения по глобальному климату: европейский углеродный шантаж России и возможности противодействия ему. *Российский экономический журнал*. 2021;(4):77–93. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-4-77-93 (In Russ.).
Roginko S.A., Silvestrov S.N. Implementation of the Paris Agreement on Global Climate: European carbon blackmail of Russia and possibilities of countering it. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2021;(4):77–93. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130-9757-2021-4-77-93
14. Рогинко С.А. Климатическая повестка в современной ситуации: советы для экономики России. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2022;236(4):447–465. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-447-465 (In Russ.).
Roginko S.A. Climate agenda in current situation: Advices for Russian economy. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2022;236(4):447–465. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-447-465

15. Кашбразиев Р.В. Факторы экономического развития Турции в XXI веке. *Вестник экономики, права и социологии*. 2021;(1):170–173.
Kashbrasiev R.V. Factors of Turkey's economic development in the 21st century. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2021;(1):170–173. (In Russ.).
16. Simola H. CBAM! — Assessing potential costs of the EU carbon border adjustment mechanism for emerging economies. *BOFIT Policy Brief*. 2021;(10). URL: <https://publications.bof.fi/bitstream/handle/10024/44898/bpb1021.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed on 24.07.2023).
17. Lipscomb C.A., Kashbrasiev R.V. Using county typologies to inform job tax credit policy in Georgia. *Review of Regional Studies*. 2008;38(2):233–250. DOI: 10.52324/001c.8265
18. Acar S., Aşıcı A.A., Yeldan A.E. Potential effects of the EU's carbon border adjustment mechanism on the Turkish economy. *Environment, Development and Sustainability*. 2022;24(6):8162–8194. DOI: 10.1007/s10668–021–01779–1
19. Magacho G., Espagne E., Godin A. Impacts of the CBAM on EU trade partners: Consequences for developing countries. *Climate Policy*. 2024;24(2):243–259. DOI: 10.1080/14693062.2023.2200758
20. Uyduranoglu A., Ozturk S.S. Public support for carbon taxation in Turkey: Drivers and barriers. *Climate Policy*. 2020;20(9):1175–1191. DOI: 10.1080/14693062.2020.1816887
21. Sarigül S.S., Topcu B.A. The impact of environmental taxes on carbon dioxide emissions in Turkey. *International Journal of Business and Economic Studies*. 2021;3(1):43–54. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1820690>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ринас Васимович Кашбразиев — доктор экономических наук, профессор кафедры мировых финансов, старший научный сотрудник Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Rinas V. Kashbrasiev — Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Department of World Finance, Senior researcher, Institute for Global Studies, Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0001-7394-7201>

rvkashbrasiev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 18.08.2023; после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 02.10.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 18.08.2023; revised on 18.09.2023 and accepted for publication on 02.10.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.